

УДК: 316.1;001.1

DOI: 10.24412/2414-9241-2021-7-162-174

ДОННА ХАРАУЭЙ О НАУКЕ, НАУЧНОМ И ФИГУРЕ УЧЁНОГО: ОТ ПОСТМОДЕРНА К АКТОРНО-СЕТЕВОЙ ТЕОРИИ

Егор Алексеевич Шкурко

студент факультета социологии
Санкт-Петербургского государственного
университета;
Санкт-Петербург, Россия
e-mail: st086232@student.spbu.ru

Научный руководитель: Орех Екатерина
Александровна, к. соц. н., доцент кафедры
теории и истории социологии СПбГУ,
ek.orech@mail.ru

Статья посвящена теоретическому анализу позиции Донны Харауэй, касающейся вопросов репрезентации научных объектов, конструирования дискурсов научных дисциплин и идентичности ученого. Для этого рассматриваются работы «Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х гг.» (1985) и «Биополитика постмодерных тел: Способы конституирования Я в дискурсе иммунных систем» (1989). По сравнению с феминистскими взглядами Харауэй ее идеи о научном и науке в России изучены мало, однако представляют несомненный интерес в контексте изучения популярного современного направления STS. В своих исследованиях Донна Харауэй обращается преимущественно к постмодернистским и конструктивистским теориям и использует их способы аргументации, однако примечательно, что отдельные ее идеи вплотную перекликаются с идеями представителей акторно-сетевой теории. На основе анализа научной проблематики Харауэй, а именно — создания внутринаучных дискурсов, построения идентичностей изучаемых объектов и самих ученых, характеристики науки как культурного явления — ее теоретическую позицию можно представить как «промежуточную» между постмодернистским конструктивизмом и новым материализмом.

Ключевые слова: Донна Харауэй, конструктивизм, акторно-сетевая теория, наука, ученый.

Донна Харауэй является известнейшей фигурой в современных феминистских исследованиях, эпистемологии и философии постгуманизма, однако такое направление ее работы как социология науки в отечественном дискурсе известно не так широко. Социология науки и смежная с ней медицинская антропология в течение последних 30 лет находятся под сильным влиянием акторно-сетевой теории (STS) и нового материализма. Харауэй очевидно близка к традиции STS: ее идеи цитируют представители этого направления, ее мысли используют для аргументации, преобладают идеи Харауэй и теоретиков акторно-сетевой теории легко проследить; однако в то же самое время свою модель науки она строит на основе конструктивистских идей, неприсущих социологии науки и технологий 1980-х гг. Несмотря на временной лаг с 1980-х гг. по сегодняшний день акторно-сетевая теория все еще находится на пике интереса современных теоретиков — этим обусловлена актуальность нашей работы. Научной проблемой является анализ и оценка теоретической позиции Донны Харауэй, состоящей в сочетании считающихся разнонаправленными социологическими теориями конструктивизма и нового материализма, а также поиск путей конвергенции этих теорий.

В качестве материалов для анализа выступают работы Харауэй «Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х гг.» (1985) и «Биополитика постмодерных тел: способы конституирования Я в дискурсе иммунных систем» (1989), причем последняя работа до сих пор не имеет официального перевода на русский язык, однако переведена «любителем» А. Кузнецовым и представлена в Интернете.

Из всей традиции STS именно Донна Харауэй первой начала обращаться к иммунобиологии. На ее работы по социологии науки большое влияние оказало ее собственное прошлое: Харауэй — ученая-философ, воспитывавшаяся в католической семье; по убеждениям — феминистка, впоследствии профессор факультета феминистских исследований Калифорнийского

университета. Образование она получала в Йельском университете, где изучала биологию. Знакомство с работами Томаса Куна после окончания учебы побудило интерес Харауэй к метафорическому, философскому осмыслению биологии — ее первая работа называлась «Кристаллы, фабрики и поля: метафоры органицизма в биологии развития» (1976). На развитие философских взглядов Харауэй оказала влияние аналитическая философия Альфреда Уайтхеда, идеи прагматистов и постструктуралистов (Сивков 2018, 262). В 1974 году она начинает работать историком науки в Университете Джона Хопкинса. Вместе с этим она выпускает книгу по приматологии, где затрагивает типичную для своих работ гендерную проблематику. Следующая ее работа — известный в России «Манифест киборгов», важнейший текст для представителей акторно-сетевой теории, который вместе с «Биополитикой постмодерных тел» в 1991 переиздается в составе сборника «Обезьяны, киборги и женщины: обновление природы» (Haraway, 1991).

В этих работах Харауэй анализирует образ ученого, репрезентированный в различных текстах: это образ занятого наукой человека, страстного и азартного исследователя неизведанного, героической фигуры, которая тем сильнее гордится своим подвигом, чем выше комплексность изучаемых им явлений мира. В то же самое время она отмечает эротичность образа ученого: он расколдовывает мир и пальпирует природу, как будто проникает в ее лоно для добычи знания (Haraway, 1991: 204).

Надо отметить, что в таком рассмотрении ученого нет особой новизны. Образ ученого как героя является общим тропом, но и идея про маскулинную сексуальность ученого не является новой. Еще психолог-фрейдист Дэвид Макклилланд пытался проверить гипотезу, основанную на версии Эдипова комплекса, что природа представляет для ученых или сексуализированный объект, или подсознательно отождествляется с матерью (Григорьев, 2011: 203–204). Нам эту же тему — эротизированности образа ученого — пишет историк науки Эвелин Келлер в работе

«Размышления о гендере и науке» («Reflections on gender and science», 1985 (Keller, 1985)): можно сказать, что Харауэй и Келлер одновременно занимались этой проблематикой.

Однако указание на распространенные в культуре образы ученого нужны Харауэй для аргументации важной идеи: если репрезентация ученых происходит с помощью определенных тропов, то научные тексты можно сопоставить с фантастической литературой, сюжеты которой завязаны на путешествии или исследовании. Отсюда вывод: можно изучать науку как вид литературы, чтобы понять процессы создания научных дискурсов. Эти дискурсы по своей природе нестабильны, так как внутри наук происходят споры о значениях и практиках (Haraway, 1989: 203). Споры можно интерпретировать как борьбу гипотез, которые постоянно выдвигаются и опровергаются. Выдвижение и опровержение гипотез для Харауэй — прежде всего, семиотическая битва, конфликт различных идентичностей объектов, изучаемых учеными.

Нужно отметить, что ученые эти объекты конструируют. Наука не работает с природой непосредственно, она проводит различные операции над денатурализованными сущностями. Например, созданием термина «организм» биологи денатурализовали живых существ: стало не важно, идет ли речь о человеке или о кошке, а важно, что всякое существо можно представить через код (текст) — гены (Haraway, 1989: 206). Денатурализация науки происходит последовательно на протяжении нескольких веков, особую роль в этом процессе играют информатика и математика: они навязывают другим дисциплинам свои универсальные языки. Вследствие этого наука в целом становится тоталитарным предприятием, упорядочивающим знание через числа и абстракции, которые сама легитимизирует как показатели объективности (Haraway, 1989: 210). По такой логике, чем больше математических моделей используют ученые, тем наука сложнее, а открытия в ней весомее. Интересно, что схожую по идее попытку найти связь между ценностью открытий в

дисциплине и наличия в ней математических моделей проделал Норман Сторер в своей работе «Мягкая наука твердая наука» (Storer, 1967: 78). Таким образом, можно сказать, что научно сконструировать можно любой объект, важно только применять при этом соответствующий легитимирующий язык (Haraway, 1989: 218).

Науки продуцируют идеологии, меняющие как понимание сущности человека, так и отношений между людьми. Харауэй приводит два примера таких идеологий: биологический детерминизм и технологический детерминизм. По словам ученой, биологический детерминизм наук о жизни после XVIII века переопределил смысл существования человека в сторону животности. Разграничение между животным и человеческим стирается: например, появляются движения за права животных — животное теперь признано философским субъектом, таким же, как и человек, однако такое уравнение в статусах не унижает достоинство человека, а намечает линию связи культурного и природного (Харауэй, 2005: 327). Еще пример: эволюционные теории, оказавшие ключевое влияние на биологический детерминизм, делают преподавание христианского креационизма в светских учебных заведениях абсурдным — религиозный дискурс покидает классы и кафедры (Харауэй, 2005: 327).

Технологический детерминизм можно отследить во влиянии развития информационных технологий на характер любого знания, в том числе научного: постмодерная наука видит объекты как системы, которые передают данные высокотехнологичным измерительным приборам, а потом ученый начинает работать с получившимся «текстом». Харауэй отмечает, что текстуализация «всего» в постмодерне больше всего ударила по феминисткам и марксистам, обесценила их борьбу, поскольку изменила традиционное для них понимание господства и политического. Отметим схожие мотивы в высказывании Алана Сокала о постмарксистской философии: «Признаюсь, что я – растерявшийся старый «левый», который никогда полностью

не понимал, как деконструкция должна была помочь рабочему классу. А еще я умудренный опытом ученый, наивно верящий, что существует внешний мир, что в нем существуют объективные истины об этом мире, и что моя работа состоит в том, чтобы выявить некоторые из них» (Сокал, Брикмон, 2002: 248).

Харауэй называет расу, гендер и класс «великими историческими конструкциями» (Haraway, 1989: 209), которые встраивались в биологические, обществоведческие дискурсы о людях в течение долгого времени — колониальные, капиталистические отношения постоянно порождали новые материалы для конструирования образов в науках. При этом справедлива и обратная связь: наука и технология благодаря определенному уровню развития способны обеспечить будущее для политических проектов: исследовательница отмечает, что она сама стала феминисткой благодаря тому, что в социологии стала актуальной данная проблематика.

Донна Харауэй использует термины «сборка» и «разборка» для описания процесса создания идентичностей: дискурс, возникший вокруг любого объекта, можно «собирать» и «пересобирать» как угодно и сколько угодно (Haraway, 1989: 211). При этом важно заметить, что объект реального мира, вокруг которого создается дискурс, не задает никаких правил дискурса — идентичность может быть построена как на действительных характеристиках объекта, так и на выдуманных. Можно привести пример, связанный с диетами для поддержания иммунной системы: порой подобные диеты оказываются основаны на лженаучных выводах и концепциях, искажающих понимание реальных принципов работы иммунной системы, однако они все равно остаются популярными и востребованными. В таком случае становится понятным, что Харауэй не интересуется эпистемологический вопрос научного реализма: ее теория не проблематизирует соотношение реальности и репрезентации.

Социальные взаимодействия выстраивают научные дискурсы, которые потом навязывают смыслы и идентичности

для общества. Так, поражение нацистской Германии во Второй Мировой войне, деколонизация, развитие мультинационального капитализма и высокотехнологичная милитаризация государств в период Холодной Войны привели к смене набора практик, технологий и понятий, с помощью которых создаются дискурсы в биомедицинских науках. Например, изменились определения, репрезентирующие тела: «евгеника» сменилась «генной инженерией», «биологический детерминизм» «ограничениями» (Haraway, 1989: 209).

Важнейший тезис Харауэй звучит так: наука и идеологии, ей производимые, являются частью исторического процесса перепределения структур взаимодействия между людьми. Группы в науке конституируют производство знания — это основной посыл феминистской эпистемологии, с которым соглашаются даже представительницы противоположных взглядов. Производство знания долгое время осуществлялось белыми мужчинами — предполагается, что это оказало решающее влияние на формирование метафизических оснований науки (Соловей, 2019: 370). Именно поэтому Харауэй борется за проект феминистской эпистемологии — женская наука по-иному определит научное знание. Для Харауэй наука — территория культурного диалекта, создающего идентичности. (Haraway, 1989: 203). Здесь проявляется конструктивистская ориентация ученой. При этом диалект создается гетерогенно разными акторами — научными публикациями, лабораториями, органоидами клеток — и в этом Донна Харауэй едина с идеями Бруно Латура (Латур, 2014: 129). Конструирование базируется на привлечении разных актантов, сущностей разного рода, материальных и нематериальных. Сам Латур особенно выделяет Харауэй среди тех социологов науки, которым изучение одной конкретной сферы помогло сформировать теорию и методологию для более абстрактного социального анализа.

Дискурсы, появляющиеся вокруг изучаемых наукой объектов, могут относиться к самым разным областям помимо науки:

к торговле, литературе, области здравого смысла. Так, иммунная система — это то, что можно изучать, что можно укреплять (лечить), что можно задействовать для легитимации продаж лекарств. В общественном сознании существует мнение, будто именно в науке многоголосия дискурсов нет, все термины и концепции однозначны, однако Харауэй спорит с этим мнением. Ее проект заключается в попытке вскрыть неоднозначные языки науки и попытаться проанализировать их.

Сутью конструирования для Харауэй остается семантика — ей интересна не сама по себе сеть актантов, как это было бы для представителей акторно-сетевой теории, а посыл сети, образ, формируемый ею. Представления о значимости семантики типичны для конструкционистского направления теоретизирования — например, для дискурс-аналитиков. Особенно интересным будет провести параллель и обозначить сходство идей между социологией науки Донны Харауэй и социологией материальных объектов Харре Ромма. Как и у Харауэй, его конструктивистские идеи о дискурсах перемежаются идеями, близкими по духу представителям акторно-сетевой теории.

Ромм пишет, что материальный предмет без предыстории можно превратить в социальный объект, если поместить его внутрь нарратива, причем нарративы могут быть различными (Ромм, 2006: 121). Со слов Ромма, похожая технология стала очевидна ему благодаря работам Владимира Проппа о русских волшебных сказках: научный текст преобразует сущности так, как в сказках преобразуются предметы повседневного пользования вроде веретена или клубка нитей. Только в контексте нарратива объект обладает семантической силой: например, в контексте милитаристского нарратива иммунная система является тем, что можно заразить вирусом для ведения биологической войны. Благодаря помещению в нарратив объект из пассивного состояния перейдет в активное — такой же процесс социологи-представители акторно-сетевой теории называют «enactment» (приведение в действие) (Мол, 2015: 232): есть

разные способы приведения в действие одних и тех же вещей. Хотя Харауэй не использует понятие *enactment*, однако схожая идея у нее звучит так: образ объекта создается дискурсом, в который он помещается, семантика какой-либо вещи или явления зависит от ситуации. В социологии Харауэй один объект может репрезентироваться в различных дискурсах, и точно так же один объект может подвергаться разным способам приведения в действие у Ан Мари Мол.

В науке особым символическим статусом наделяются показания приборов наблюдения, снимки органов тела. Придание символичности обеспечивает конструирование научного дискурса, причем наделение конкретным значением может перекликаться с культурными лейтмотивами: так, в секулярной науке можно найти тринитарные доктрины, которые будут использовать структуру христианского мифа. Научные тексты наделяют субъектностью сущности вроде органоидов клетки или кровяных тел. Когда ученые разъясняют принципы работы иммунной системы, они наделяют организм специфической субъектностью: конструируется наше чисто физиологическое «я», которое должно бороться с «не-я» в виде болезней.

Когда объект попадает внутрь повествования, он наделяется нетипичными для него особыми свойствами. Так, такие свойства обретают исследуемые с помощью томографии или энцефалограммы органы человека — им приписывается измеримость на универсальном математическом языке. Более того, материальные объекты начинают выполнять несвойственные им роли — например, врачи могут ставить диагнозы, не касающиеся заболеваний ног, наблюдая именно ноги. В рамках научного повествования предметы переходят из категории в категорию — похожий процесс в медицинской практике Мол назвала *switch'em* (переключением) (Мол, 2015: 238).

В свете своей увлеченности постструктурализмом Харауэй озабочена разрушением стены между понятиями органического и машинного (Харауэй, 2005: 327). Характерные постмодерной

культуре наука и технологии уничтожают дуализм между ними. Этому разрушению способствовало создание искусственного интеллекта — машин, которые выстроены человеком, но развиваются сами. На момент написания работы Харауэй в 1989 году сами инженеры искусственного интеллекта пока еще только фантазируют о его возможных ипостасях в будущем, а исследовательница не доверяет их мечтам о полностью автономном, самоподдерживающемся искусственном интеллекте (Haraway, 1989: 213). Она считает, что патологии искусственного интеллекта слишком губительны, чтобы некоторый порожденный человеком, будто дитя, разум, существовал без всякой поддержки человека. Тем не менее, Харауэй отмечает, что утопичное мышление проектировщиков искусственного интеллекта оказывает влияние на все общество, оно меняет дискурс «машинности и человечности»: теперь мы реально думаем, что искусственный интеллект ближе к человеку, чем, например, к холодильнику.

Харауэй в своей теории науки делает акцент на связи науки с динамикой отношений внутри общества в целом, на историчности науки и на смене картин мира в процессе опровержения гипотез, что дает ее концепции науки два преимущества: она не становится нигилистически релятивистской, но и не признает некоего вневременного критерия абсолютной истины. В этом Харауэй сходится во мнениях с известным историком и социологом науки Ивом Жангрой (Жангра, 2004: 96).

Позиция Донны Харауэй во многом основывается на постмодернистских и конструктивистских концепциях, однако интересующая ее проблематика, способы рассуждения и подход к определениям роднит ее со сторонниками акторно-сетевой теории — эта особенность делает Харауэй «переходным» звеном между двумя крупными социологическими традициями конца XX века.

Дальнейшие исследования концепций теоретиков STS и социологии науки — таких, как Донна Харауэй — видятся перспективными не только ввиду высокой популярности данных

областей. Несмотря на различия теоретических школ, отдельные позиции исследователей совпадают, что способствует постепенному оформлению единого подхода к истории науки.

Список литературы

Ведерникова Е. Феминистские исследования науки: позиции и аргументы // Гендерное устройство: социальные институты и практики: сб. ст. / под ред. Ж.В. Черновой. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2005. С. 23–40.

Григорьев В.Е. Социология науки [Электронный ресурс]. Санкт-Петербург, 2011. URL: <https://www.soc.spbu.ru/cgi-bin/do/publish.cgi?do=publ&action=794&seed=8341> (дата обращения: 14.11.2021).

Жангра И. Мотив радикализма. О некоторых новых тенденциях в социологии науки и технологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т.7. № 5. С. 75–98.

Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.

Мерчант К. Смерть природы. Женщина, экология и научная революция // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / под ред. С.В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. С. 759–774.

Мол А. Множественное тело // Социология власти. 2015. № 1. С. 232–247.

Ром Х. Материальные объекты в социальных мирах // Социология вещей: сб. ст. / под ред. В. Вахштайна. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. С. 118–133.

Сивков Д. Свое или чужое? Создание тела в иммунологии // Философско-литературный журнал «Логос». 2018. № 5 (126). С. 249–286.

Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика философии постмодерна / пер. с англ. А. Костиковой и Д. Кралечкина; предисловие С.П. Капицы. Москва: Дом интеллектуальной книги, 2002.

Соловей А.П. Феминистские исследования науки: обзор зарубежного опыта // Социологический альманах: сб. ст./ под ред. Г.П. Коршунова и др. Минск: Беларуская навука, 2019. № 10. С. 365–372.

Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х гг. // Гендерная теория и искусство. Антология: 1970–2000. пер. с англ.; под ред. Л.М. Бредихиной, К. Дипуэлл. М.: РОССПЭН, 2005. С. 322–377.

Haraway D. The Biopolitics of Postmodern Bodies: Constitution of Self in Immune Systems Discourse [Электронный ресурс] // Haraway D. Simians,

Cyborgs, and Women: the Reinvention of Nature. N. Y.: Routledge, 1991. С. 203–230. URL: <https://www.twirpx.club/file/1170088/> (дата обращения: 14.11.2021).

Keller E. On the need to count past two in our thinking about gender and science // *New Ideas in Psychology*. 1987. Т. 5. N 2. С. 275–287.

Keller E. *Reflections on Gender and Science*. New Haven: Yale Univ. Press, 1985.

McClelland D.C. On the Psychodynamics of Creative Physical Scientists // Eiduson Bernice T. and Beckman Linda J. (Eds.). *Science as a Career Choice: Theoretical and Empirical Studies*. New York: Russell Sage Foundation, 1973. С. 187–195.

Storer N.W. The Hard Sciences and the Soft: Some Sociological Observations // *Bulletin of the Medical Library Association*. 1967. N 55. С. 75–84.

DONNA HARAWAY ON SCIENCE, SCIENTIST AND SCIENTIST: FROM POSTMODERNISM TO AKTOR-NETWORK THEORY

Egor A. Shkurko,

2nd year undergraduate student, direction “Sociological Research in a Digital Society”, Faculty of Sociology, St. Petersburg State University,
Saint-Petersburg, Russia
e-mail: st086232@student.spbu.ru

The article is devoted to the theoretical analysis of the position of Donna Haraway concerning the issues of the representation of scientific objects, the construction of discourses of scientific disciplines and the identity of the scientist. The works “The Cyborg Manifesto: Science, Technology and Socialist Feminism of the 1980s.” (1985) and “Biopolitics of Postmodern Bodies: Constitutions of Self in Immune Systems Discourse” (1989) are compared to the feminist views of Haraway. Her ideas about science and science in Russia have been little studied but they are of undoubted interest in the context of studying the popular modern direction STS. In her research, Donna Haraway refers mainly to postmodern and constructivist theories and uses their methods of argumentation, but it is noteworthy that some of her ideas closely coincide with the ideas of representatives of the actor-network theory. Based on the analysis of Haraway’s scientific problems, namely, the creation of intrascientific discourses, the construction of the identities of the studied objects and the scientists themselves, the characteristics of science as a cultural phenomenon, its theoretical position can be presented as an “intermediate” between postmodern constructivism and new materialism. Haraway’s most important thesis is that science and the ideologies it produces are part of the historical process of redefining the structures of interaction between people. Groups in science constitute the production of knowledge, so scientific knowledge depends on the specific discourses in which it was constructed. In the public consciousness, there is an opinion that it is in science that there is a single discourse, all terms and concepts are unambiguous, but Haraway argues with this opinion. Her project is to try to uncover the ambiguous languages of science and try to analyze them. The essence of construction for Haraway remains semantics - she is not interested in the network of actants in itself, as it would be for representatives of the actor-network theory, but in the message of the network, the image it forms. In her theory of science, Haraway focuses on the connection of science with the dynamics of relations within society as a whole, the historicity of science and on the change of pictures of the world in the process of refuting hypotheses, which gives her concept of science two advantages: it does not become nihilistically relativistic, but it also does not recognize some timeless absolute truth criterion

Keywords: Donna Haraway, constructivism, actor-network theory, science, scientist.